

© А. М. СТОЧИК, М. Я. ЯРОВИНСКИЙ, 2004

УДК 61:93:92 ГАЗА

Ф. П. ГАЗА И ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

А. М. Сточик, М. Я. Яровинский

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова

Памятник доктору Ф. П. Гаазу, созданный на средства, собранные москвичами, был открыт 1 октября 1909 г. в Казенном переулке, у здания Полицейской больницы для бесприютных, спустя 56 лет после смерти замечательного врача [5].

«Народы любят ставить памятники своим великим людям, но дела великого человека суть памятник, поставленный им своему народу», — писал замечательный русский историк Сергей Соловьев.

Для немецкого врача Фридриха Иосифа Гааза, приехавшего в 1806 г. в Москву и умершего в ней в 1853 г., полвека служения на ниве охраны здоровья сделали Россию вторым отечеством. Он умер всеми любимым Федором Петровичем, о котором москвичи даже сложили поговорку «У Гааза нет отказа», ибо он не отказывал никому и никогда в помощи и совете [3].

Вполне понятно, почему напечатанная 30 лет назад в «Медицинской газете» статья о необходимости преподавания медицинской деонтологии всем врачам была названа «Спешите учить добру!» [7]. Призыв «Горопитесь учить добру!» принадлежит пророку Исайе. Мысль о необходимости изучать поведение человека принадлежит Сократу. Гааз, имевший философское образование, очень любил Сократа и всю жизнь следовал его наставлениям. Он, как и Сократ, считал, что добродетели, добру можно научиться так же, как грамоте или арифметике. Жизнь Ф. П. Гааза — замечательный пример того, что названо в медицинской этике фундаментальным принципом добродеяния [6].

Он был мудрым врачом и человеком. Он прекрасно знал и то, что написано в Нагорной проповеди Христа, и то, что проповедовал Будда: «Одним лишь состраданием, добротой, воздержанием и самоограничением можно скопить сокровище, которое невозможно похитить. Мудрый да творит добро — вот сокровище, которое у него никто не отнимет».

Гааз писал своему воспитаннику Норшину: «Я, кажется, уже неоднократно высказывал вам свою мысль, что самый верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать счастливыми других. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом любить их» [3].

Любовь к человеку — гуманизм, разве мыслим мы иначе движущую силу настоящего врача? Федор Петрович любил человечество вообще и каждого человека в отдельности, несмотря на его общественное положение, недостатки, проступки и даже преступления. Он требовал и от других гуманного отношения к больным, несчастным, заключенным...

Тысячелетиями складывались у всех народов представления о справедливости как о необходимой добродетели в общественной и личной жизни. В Древнем Риме справедливости (Аэквида) даже поставили памятник.

Ф. П. Гааз был человеком с обостренным чувством справедливости и страстным борцом против всяческой несправедливости. Он отдавал больным и арестантам все, что накопил врачебным трудом, что вымолил на ко-

лених у филантропов.

Гааз жил в то время, когда человека крепостного, как скотину, можно было продать или избить до полусмерти. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Он не дождался отмены крепостного права. Но он каждым своим словом, каждым поступком требовал справедливого отношения к любому человеку. Поэтому и становился он во главе человеколюбивых медицинских учреждений, одно название которых говорило само за себя: Больница для чернорабочего класса людей (бывшая Старо-Екатерининская больница), Полицейская больница для бесприютных.

«Дважды помог, кто быстро помог», — говорили древние врачи. История создания «скорой помощи» в Москве восходит к 1811 г., когда по просьбе «наипервейшего врача» Павловской больницы Ф. П. Гааза последовало высочайшее повеление, разрешающее иметь в больнице «две кровати с полным прибором, с тем, чтобы на кровати сии принимать внезапно упавших, переломивших ноги и раздавленных».

Эстафету «скорой помощи» приняла Полицейская больница для бесприютных, где Гааз лечил «ушибленных, задавленных лошадами, отравленных каким-либо ядом, укушенных разными животными, обожженных, угоревших, утопленников, замерзших, с побоями, с переломами и вывихами костей» [5]. В средневековом этическом кодексе китайских врачей, изложенном в «Тысяче золотых лекарств», считалось обязательным, чтобы врач был справедливым и не алчным. «Он должен испытывать чувство сострадания к больным и торжественно обещать облегчить страдания больных, независимо от их состояния. Аристократ или простой человек, бедняк или богатый, пожилой или молодой, красивый или уродливый, враг или друг, уроженец этих мест или чужеземец, образованный или необразованный — всех следует лечить одинаково. Он должен относиться к страданиям пациента, как к своим собственным, и стремиться облегчить его страдания, невзирая на собственные неудобства, например, ночные вызовы, плохую погоду, голод, усталость. Даже неприятные случаи, например, абсцесс, понос, рак, следует лечить без всякой неприязни. Тот, кто следует этим правилам, — Великий врач» [8].

Если бы мы не знали, что эти строки написаны за 300 лет до рождения Гааза, то могли бы подумать, что это написано о нем. Обостренное чувство сострадания он проявил, когда ему показали больную девочку в Ново-Екатерининской больнице. Девочка страдала водяной раком (нома) со страшной скоростью разъедал ее лицо, и в палате царил такое зловоние, что даже мать девочки не могла приблизиться к ней. И только великий врач Гааз подошел к этой девочке. Он утешал, обнимал и целовал ее. Он находился у ее постели до последней минуты жизни несчастного ребенка. Профессор Новацкий спустя многие годы вспоминал, какой нравственный урок тогда получил он и врачи больницы [3].

Сострадание. Именно оно двигало врачом Гаазом, когда он, несмотря на строгий запрет начальства, продолжал принимать больных «сверх нормы». Генерал-гу-

бернатор князь Шербатов вызвал главного врача больницы Гааза к себе на ковер. Старый врач молча выслушал разнос, тяжело опустился на колени и горько заплакал. Даже морально ущербный князь Шербатов не выдержал этого и бросился поднимать старика. Говорили, что Гааз выплакал себе право неограниченного приема больных. Когда не хватало мест в коридорах больницы, он размещал пациентов в своей маленькой квартире.

Холера в те годы посещала Москву почти ежегодно. Но две эпидемии — 1830 и 1848 гг. вошли в историю города как самые страшные и опустошительные. Они внушали людям такой страх, что многие жители столицы, в том числе и врачи, бежали из города. Начались холерные бунты, направленные против врачей, так как население считало, что это они распространяют заразу, чтобы нажиться на этой беде. Что делает Гааз? Он ездит по городу и, увидев испуганные кучки собравшихся жителей, обращается к ним с пламенными речами, говоря, что болезнь не так страшна, как они себе представляют. И успокоенные люди расходятся по домам. Гааз объезжает холерные бараки, утешает, целует заболевших, уверяя, что болезнь не так заразна, как думают многие. Провидение хранило его. Он не пал «жертвой собственного усердия», как это написали на могиле профессора М. Я. Мудрова, погибшего от холеры в 1831 г. Но усердие Гааза было не меньшим [5].

В китайском этическом кодексе писалось о ночных вызовах, о плохой погоде, которые не должны быть препятствием для хорошего врача. Невольно вспоминается случай, о котором долго рассказывали москвичи. В зимнюю ночь, в жестокий мороз Гааз идет к больному. В одном из кривоколенных переулков ему встречаются грабители, которые хотят снять с него старую волчью шубу. «Если я отдам вам шубу, я не смогу прийти на помощь тяжелобольному человеку. Приходите завтра в больницу в Казенном переулке и спросите доктора Гааза. И я отдам вам ее», — сказал разбойникам старый доктор. «Батюшка, Федор Петрович! Мы не узнали вас! Простите!» — и грабители упали на колени. Легенда гласит, что с тех пор, когда по ночам Гааз ходил к больным, за ним неизменно следовала тень его добровольной охраны из обитателей ночлежек.

Сострадание, великодушие. Именами этих добродетелей пестрят этические кодексы врачей всех времен и народов. Когда говорят о великодушии, вспоминается поступок пастора из романа Виктора Гюго «Отверженные». Пастор приютил беглого каторжника, а тот украл у него подсвечники. Когда полиция привела Жана Вальжана к пастору, тот сказал, что эти подсвечники он сам ему подарил. Не все знают, что за 20 лет до того, как появился роман Гюго, подобное случилось с доктором Гаазом. «Отверженные» были и есть не только в Париже. Одного из таких людей доктор Гааз поднял как-то ночью на улице и увидел, что он находится в глубоком обмороке. Не задумываясь врач погрузил его в пролетку и повез в свою Больницу для бесприютных. Свободных мест, как обычно, в больнице не было, и Гааз уложил несчастного в одной из двух своих маленьких комнат при больнице. Когда он проснулся, то обнаружил, что больного в комнате нет. Заодно исчезли именные часы — подарок императрицы и столовое серебро. К концу дня полицейские привели в больницу вора. Они задержали его на Сухаревской толкучке, где он пытался продать краденое. По надписи на часах поняли, кому они принадлежали.

«Нет, он ничего не украл! Это я сам подарил ему все», — сказал Гааз полицейским и, вытряхнув все содержимое кошелька, отдал вору [3].

Принцип правдивости считается фундаментальным в медицинской этике. Врачи обязаны следовать ему не только в информировании пациента о его состоянии, но и в каждом своем деянии, в каждом поступке. Гааз, простой, деликатный и обходительный, всегда требовал от своих подчиненных прежде всего правды. Всякая ложь приводила его в негодование. В борьбе с нею он прибегал к необычайным мерам. В Больнице для бесприютных им

была заведена кружка, в которую за всякую открывшуюся ложь солгавший служащий, кто бы он ни был, должен был класть свое дневное жалование. Это Гааз объяснял каждому, кто приходил работать, и исполнялось это строго и безусловно. Однажды, при приезде императора Николая Павловича в Москву, один из лейб-медиков государя пришел проверять больницу. Он решил, что диагнозы, поставленные доктором Гаазом, сомнительны, и доложил об этом государю. Гааз потребовал, чтобы чиновник пришел в больницу вновь, и доказал ему, что его выводы о состоянии здоровья арестантов были поспешны и ошибочны. Когда лейб-медик уходил из больницы, пред ним предстал Гааз со штрафною кружкою в руках. «Ваше превосходительство изволили доложить государю императору неправду — извольте положить 10 рублей штрафа в пользу бедных» [2].

В «Клятве Гиппократова» есть такая заповедь: «Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением»...

Когда пациенты спрашивали Гааза о том, какие лекарства им пить, как себя вести, он неизменно цитировал строчку из «Салернского кодекса здоровья»: «Если хочешь здоровым ты быть и не ведать болезней, пусть будут твоими лекарствами трое: веселый характер, покой и умеренность в пище». Исследования последних десятилетий убедительно доказали, что понятие о здоровом образе жизни — это не выдумка Гиппократова. Социал-гигиенисты давно говорят, что от образа жизни на 50% зависит состояние общественного и индивидуального здоровья. Когда Гааз говорил о покое, конечно, он имел в виду покой душевный. Сегодня мы знаем, какую угрозу здоровью несут психоэмоциональные стрессы. «Веселый характер» и его роль в поддержании здоровья в настоящее время мы можем подтвердить научно-достоверными фактами о роли эндорфинов, а «смехотерапию» широко используют в лечении многих тяжелых недугов.

Некоторые говорили, что Гааз примитивный врач. Даже поговорку сложили: «Гааз положит в постель, укутает во фланель, поставит фонтанель, пропишет каломель». Им было невдомек, что этот великий врач следует первому принципу медицинской этики: «Primum non nocere!» («Не навреди!»). Этот принцип взят на вооружение современной биоэтикой, которая утверждает, что, прежде чем пустить в ход достижения научно-технического прогресса, надо использовать простые и надежные, проверенные тысячелетним опытом средства, подумать о будущем пациента. Дальновидение — основа современной биоэтики.

«Слово врача, трава фармацевта, скальпель хирурга — вот что исцеляет больного», — гласит древняя восточная мудрость. На первом месте стоит слово. Это понимали врачи Древней Греции и понимают лучшие врачи современности. О словах, которые ранят и исцеляют, можно прочитать и в актовой речи современника Гааза профессора М. Я. Мудрова «О нравственных качествах гиппократова врача», и в замечательной книге прекрасного американского кардиолога Б. Лоуна «Утерянное искусство врачевания».

Великий врач Ф. П. Гааз владел словом виртуозно. Он всегда знал, какие слова надо произнести, чтобы успокоить дрожащего от страха ребенка, попавшего в больницу, что сказать перед смертью уходящему из жизни неизлечимому больному и каким словом воздействовать на филантропов, чтобы они раскошались на лекарства для больных и несчастных. Каким прекрасным, высоким, трогательным языком написана брошюра Гааза «Призыв к женщинам». Она завершается словами: «Спешите делать добро», — словами, которые начертаны на постаменте памятника Гаазу. Невольно представляешь, с каким душевным трепетом слушали Гааза сестры милосердия, объединенные им в первой сестринской общине, созданной в Москве. Этот призыв был обращен и к ним, и ко всем женщинам мира. Призыв «Спешите делать добро» обращен ко всем людям, и в первую очередь к врачам.

«Врач, если он врач, а не чиновник врачебного долга, сделает все от него зависящее, чтобы вырвать гвозди, порождающие язвы», — писал в своих знаменитых «Записках врача» В. В. Вересаев. В этих записках речь идет не о Гаазе, но при чтении приведенных выше строк невольно вспоминаешь его. Когда Ф. П. Гааз решил, что нельзя надевать на каторжан тяжелые кандалы и цепи, производящие неизлечимые язвы на руках и ногах, то на свой деньги изготовил облегченные кандалы, подбитые войлоком и кожей, несколько дней и ночей носил их на себе, а потом добился того, чтобы такие «гаазовские кандалы» носили все каторжане. Он, как великий Пинель, снявший цепи с душевнобольных, добился того же в отношении больных каторжан, которых даже за людей не считали. Теперь эти кандалы и цепи украшают его могилу на Немецком, ныне Введенском кладбище.

Был ли он «чиновником врачебного долга»?

Одно время, в 1825 г. Гааз был назначен высоким медицинским чиновником. Он стал штатд-физиком Москвы, начальником Московской медицинской конторы. Вот как об этом пишет А. Ф. Кони: «Гааз долго отказывался, «будучи удерживаемым мыслью о своих несовершенствах», но наконец принял звание штатд-физика и тотчас деятельно принялся за различные преобразования по медицинской части столицы и повел горячую войну с мертвящею апатиею, которую встретил среди сослуживцев по медицинской конторе. Новое, живое отношение его к задачам медицинской администрации столицы неприятно тревожило их спокойствие и колебало прочность их взглядов и приемов. Пошли пререкания, жалобы, доносы. В них Гааз выставлялся беспокойным, неуживчивым человеком, утруждающим начальство разными вздорными проектами. По благородной привычке, незабытой и до сих пор, припевом ко всем на него нареканиям явилось его нерусское происхождение и то, что за ним не было долгих, непрерывных лет «хождения в присутствие». Повторилась обычная история. Сплотившиеся в общем чувстве ненависти и зависти к новатору, да еще «немцу», ничтожества одолели, в конце концов, Гааза. Отстаивая свои планы и предложения, оправдываясь с достоинством и твердостью сознаваемой правоты, штатд-физик, однако, чрез год, должен был признать, что не в силах ничего сделать с бюрократическою рутиною и недоброжелательством» [3].

Сколько замечательных проектов предложил Гааз: от упорядочения продажи «секретных средств» до введения обязательного оспопрививания детей. И на всех этих бумагах леденящие душу равнодушием своим резолюции: «Отложить до лучших времен», «Отказать без изъяснения причин». И Гааз отказался от высокой должности, считая, что личным примером он сможет сделать больше добра людям.

Он был плохим чиновником, но замечательным пророком. Вдумайтесь, как по-современному звучат пророческие слова Гааза: «Мы не признаем представителями этого священного искусства продажных личностей, которые гнусно нарушают свой долг и в равной мере жертвуют здоровьем больных ради своего тщеславия и алчности».

Древний тибетский этический кодекс, записанный в трактате «Жуд-Ши», требовал от врачей обязательного

соблюдения 6 условий: быть способным к врачебной деятельности, быть гуманным, понимать свои обязанности, быть приятным для больных и не отталкивать их своим обхождением, быть старательным и быть ознакомленным с науками. О науке в этом кодексе говорится очень много. «Врачи, понимающие свои обязанности, знающие в совершенстве основы медицины и хирургии, обладающие обширными терапевтическими познаниями, постоянно пополняющие свои научные сведения, не подверженные страстям, искренне сочувствующие страждущим, заботящиеся о других, как о самих себе, не теряющиеся при исполнении своих обязанностей, могут считаться лицами, вполне достойными звания Врача. Такие врачи — друзья Человечества» [1].

Если бы мы не знали, что трактат «Жуд-Ши» был переведен на русский язык только в XX веке, то могли бы подумать, что этот этический кодекс списывался с Гааза. Он, как никто другой, был достоин звания Друга Человечества.

Что касается медицинской науки, то он стремился заниматься ею и тогда, когда изучал кавказские минеральные воды, и когда писал книги «О крупе, или острой удушьющей астме», и когда читал труды врачей на немецком, французском и русском языках, и когда беседовал со своими близкими друзьями — профессорами медицинского факультета Московского университета А. Полем и А. Овером [9].

Когда-то в Калининграде, бывшем Кенигсберге, проводили конференцию по проблемам преподавания медицинской деонтологии. Главной достопримечательностью этого города является могила Иммануила Канта, много писавшего о проблемах этики. На могиле надпись, цитата из Канта: «Что человеку для счастья надо? Звездное небо над головой и совесть внутри нас». И там, у этой могилы, вспомнилось, что, когда хоронили Гааза, а хоронить его пришлось на средства полиции, в доме не нашлось ничего, кроме книг, поношенного сюртука и прекрасной подзорной трубы. По ночам Гааз любил смотреть в звездное небо над головой. А умирал он с чистой совестью, зная, что сделал для людей все, что мог.

Часто бывая со студентами у могилы Гааза на Введенском кладбище, мы всегда видим трогательные знаки народного внимания, скромные букетики цветов. Гааз не забыт. Имя его все чаще появляется в печати. Все острее и важнее становится для нашей медицины призыв Гааза «Спешите делать добро!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаев П. Основы врачебной науки Тибета ЖУД-ШИ. СПб; 1903.
2. Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. М.; 2002.
3. Кони А. Ф. Ф. П. Гааз. М.; 1897.
4. Копелев Л. Святой доктор Федор Петрович. ПетроРИФ; 1993.
5. Яровинский М. Я. Века Москвы медицинской. М.; 1997.
6. Яровинский М. Я. Лекции по курсу медицинская этика (биоэтика). М.; 2000—2001; вып. 1, 2.
7. Яровинский М. Я. Спешите учить добру. Мед. газета 1976; 6 авг.: 3.
8. Etzioni M. B. The physician's creed. Springfield; 1973.
9. Dietz H. M. Friedrich Yeseoph Haass als Arzt in Moskau. Berlin; 1980.